

Россия. — 2002. — 20 дек. — с. 11

«Страшные» польские невесты расшевелили Москву

Ян Смирницкий

Нечасто в Большом театре бывает праздник души, когда весь вечер подобен фейерверку и никто не уходит прочь во время антракта.

Таков результат первого после распада Союза и Варшавского договора визита в Москву Польской национальной оперы с ее громоподобными спектаклями «Король Рогер», «Страшный двор» и «Онегин», последний из которых вы сможете, если поторопитесь, увидеть еще сегодня. Билеты в кассах пока есть, например, 10-й ряд партера — 700 рублей. С рук — втрое дороже.

18 декабря зал с четверть часа неистовствовал по завершении «Страшного двора» на музыку Станислава Монюшко. Людям нравится, когда все понятно. Когда высоко над сценой зажигается электронный дисплей, а на нем, как строчка курса валют, бежит фраза из арии, которую вот-вот пропоет главный герой. Быстро прочитал — смотри и слушай дальше.

«Страшный двор» писался Монюшко в 60-е годы XIX века — в непростое для Польши время восстаний и конспиративных квартир. И хотя сегодня былая острота ушла, осталось обаяние особы, только польской опере присущих черт.

Во-первых, необычайная артистичность. Опера более чем теат-

ральна, в ней нет такого, что на середину сцены выходит примадонна и двадцать минут удивляет вас виртуозностью своего вокала.

«Страшный двор» словно бы поставлен для детей: все можно потрогать, все можно ощутить. Говорят тебе: «Картины оживают», — так через секунду вместо холста, как кукушка из часов, появляется лицо живой героини. Или: «Часы бьют», — но мало того, что они бьют, еще из них вылезает пан Дамазы и сражает всех насмерть рассказом о проклятиях «страшного двора».

Я уж молчу о главном «финте» всего спектакля — это, по сути, самостоятельный танцевальный номер из 16 пар и кордебалета, исполняющих зажигательную мазурку. Штука в том, что в какой-то момент надрыв оркестра уходит и танцовщики в серебряных кафтанах сами становятся музыкальным инструментом, заводя вас в конце спектакля отнюдь не оперно. Шанс уйти домой с необычайным приливом сил.

Весь спектакль построен очень конкретно. В нем нет такого раздольного масштаба, как в нашей «Хо-

ванщине» или «Псковитянке», — глубоких перспективных декораций или целой армии поющей массовки. Здесь все проще. Других «предметов», кроме санок, сундука, каменного фасада отчего дома и еще кое-чего, вы ни за что не увидите. Да и они ставятся по случаю, не занимая вашего взгляда на протяжении всего действия.

Вместо рисованного задника — два-три полотна — то фотографии леса, то красного в золоте панбархата. И через них прямо в зрительный зал бьет пара сильных прожекторов. В их свете то арлекин пройдет колесом, то выкатится кресло на колесиках под грузом грузной донны. Уже весело. И это нисколько не принижает вес такого шедевра мирового оперного наследия, как «Страшный двор». Эта опера не врежется в память, чтобы отложиться навеки. Но пока вы слушаете и смотрите ее — вам несказанно хорошо, если, конечно, вы не ждете каких-то многоэтажных напластований смыслов.

Бог с ними, со смыслами. Два брата, Збигнев и Стефан, недавно вернувшиеся из бравого похода, дали друг

другу обет безбрачия. Но, подпав под магию «страшного двора», безоговорочно сдаются. Ведь его когда-то и нарекли страшным только за то, что хозяин с легкостью выдал своих девятирех дочерей замуж, а на соседских дочек никто и глаза не положил.

Постановка Миколая Грабовского (режиссер) и Ядека Каспшика (дирижер) 2001 года несколько облегчена для демонстрации на сцене Большого. Допустим, в сцене с мазуркой нет эффектных, поддуваемых воздухом марлевых полотен, придуманных для родной варшавской площадки. Но это мелочи по сравнению со свежим дуновением европейского театра, который особо не увлекается своими традициями, хотя и к «Король Рогеру», и к «Страшному двору» в свое время прикладывались Людвик Рене, Кшиштоф Занусси, Мацей Прус.

Красиво обойти традиции, ощутить свободу в ограничениях — вот кредо современной, очень честолобивой плеяды польских режиссеров, которых Москва встречает и будет встречать овыми.